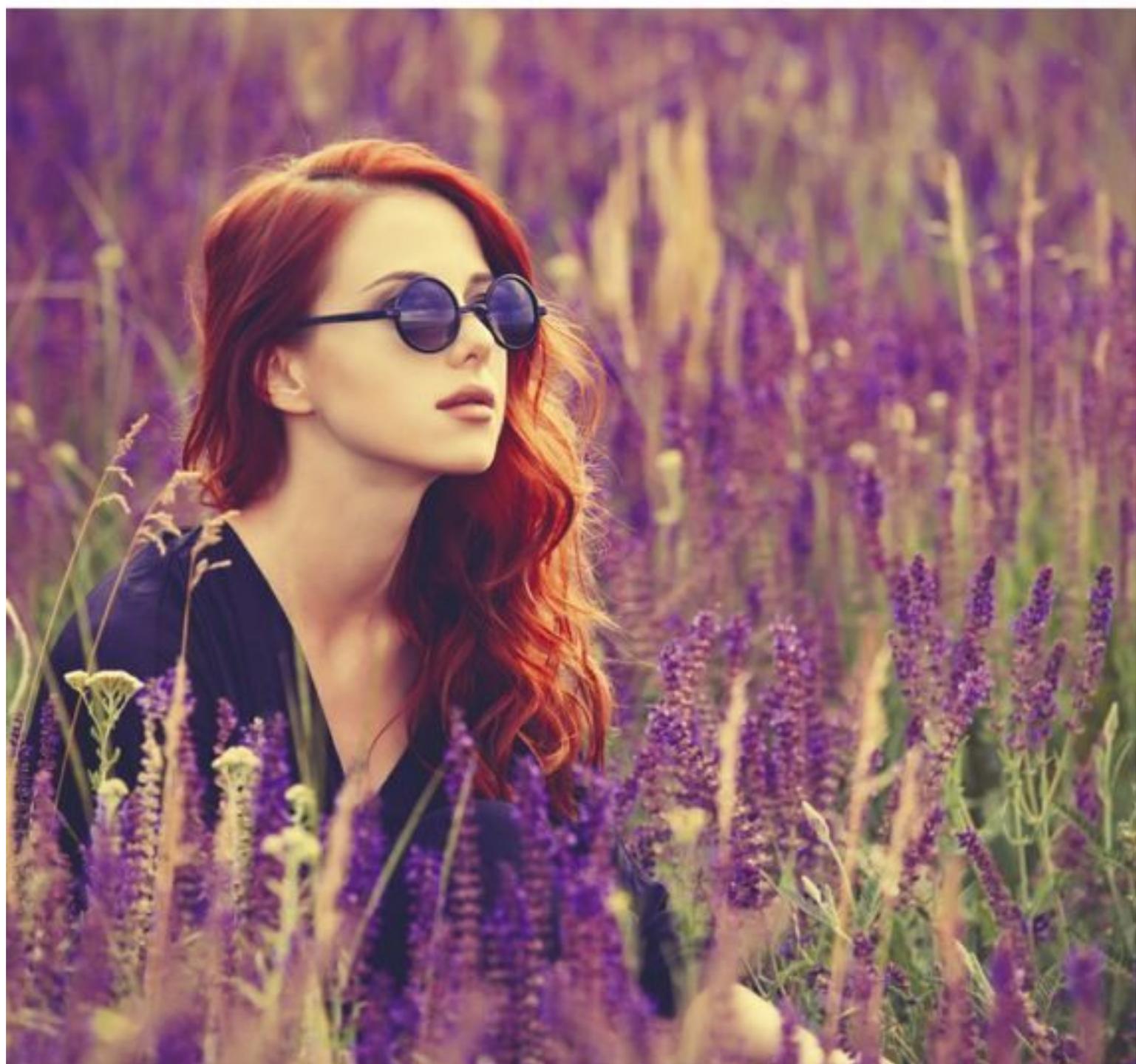

КАТЯ САРГАЕВА

Девушка с ароматом жасмина

Катя Саргаева

Девушка с ароматом жасмина

«Издательские решения»

Саргаева К.

Девушка с ароматом жасмина / К. Саргаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854878-9

На первый взгляд может показаться, что эта книга о любви, но это не совсем так. Эта книга о жизни. Жизни одного сорокалетнего семейного мужчины, который встречает девушку. Какой его жизнь была до нее? Какой будет с ней? И какой будет после нее? Способна ли одна случайная встреча в лифте изменить жизнь человека, вывернуть ее наизнанку? Марк, главный герой этой книги, расскажет вам об этом.

ISBN 978-5-44-854878-9

© Саргаева К.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	17
4	26
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Девушка с ароматом жасмина

Катя Саргаева

Фотограф Владимир Никулин

© Катя Саргаева, 2017

© Владимир Никулин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-4878-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я смотрел, как вода падает с обрыва высотой в сто двадцать метров, разнося в воздухе миллионы мельчайших капель, это зрелище меня завораживало. Я смотрел на водопад Виктория. Вдруг меня посетила мысль, как я, черт возьми, тут оказался? Я почувствовал легкий удар в живот. Я открыл глаза, на мне лежал мой шестилетний сын Глен, его колена вонзились мне прямо под ребра.

– Папа, просыпайся! – кричал он.

Да, конечно, я спал. Я был в Зимбабве много лет назад, но водопад Виктория навсегда отпечатался у меня в памяти. Я хотел бы снова побывать там, но с моим плотным графиком я не мог найти время даже на то, что бы проведать маму.

– Дорогой, поднимайся, а то опоздаешь на самолет, – сказала мне жена.

Я нехотя вылез из постели.

– Сейчас я кого-то точно укушу! – грозным голосом кричал я, хватая на руки сына.

Он извивался и заливался смехом. Я очень любил своих детей. Еще у меня была дочь Маргарита, все звали ее Марго, ей было двенадцать. Когда я вышел из душа, она пекла оладьи.

– Пап, ты же там не задержишься, как в Барселоне? – спросила Марго.

– Нет, мне там нечего делать, Ирен там не будет, так что никто не будет уговаривать меня задержаться.

– А почему Ирен не пригласили?

– Ее пригласили, но она отказалась, у нее сейчас очень плотный график съемок.

– Ты же не отказался, а у тебя тоже каждый день расписан.

– Я не мог отказаться, я же играл главную роль в фильме, а Ирен второстепенную.

– Жаль, что я не могу поехать с тобой, – сказала Фиона, – нужно готовиться к вступительным экзаменам Глена.

Она читала брошюру фестиваля искусства, на который я ехал. В этом году в Праге был организован грандиозный фестиваль. Там были все направления искусства, кино и театр, музыка, живопись, литература, танцы, и много чего еще. Фиона была оперной певицей. Мы познакомились с ней много лет назад, я услышал, как она поет и влюбился сначала в ее голос, а потом и в нее саму.

– Там будут симфонические оркестры, опера, – говорила она, с грустью рассматривая брошюру.

– Ничего, как-нибудь мы обязательно отправим детей к маме и сходим на концерт, или еще куда-нибудь, – пытался подбодрить ее я.

Фиона привезла меня в аэропорт. Я поцеловал ее в щеку и вышел из машины. Она помахала мне рукой и уехала. Пока регистрировался на рейс я увидел парочку, они не могли расстаться друг с другом. Парень провожал девушку, они целовались как в последний раз, хотя расставались всего на неделю, я подслушал это в их разговоре. Почему-то я смотрел на них как заколдованный и не мог оторваться. Когда-то и мы с Фионой были такие. Как давно это было. Куда все это ушло? Куда вообще уходит любовь? Я помню бабушку с дедушкой, до последних дней они жили не разлей вода. Им не нужно было слов, то, что они испытывали друг к другу просто чувствовалось. В каждой мелочи, в обращении друг к другу, в прикосновениях, в поступках. К сожалению этого не было у моих родителей, они развелись, когда я был еще маленький. Я почти не помню отца. Он переехал жить из Эдинбурга в Сидней, и мы больше никогда не встречались.

Я смотрел на эту парочку и думал, чем же закончится их история?

– Марк Макмиллан, пройдите на рейс, посадка заканчивается через пятнадцать минут. Я услышал свое имя и помчался к паспортному контролю. Я так сильно задумался, что не следил за временем.

Меня встречала злая стюардесса, но узнав меня, она расплылась в улыбке. Все-таки хорошо быть известным актером, тебе прощают практически все. Мне сейчас простили опоздание на рейс. Я был последним. Я сидел и думал о своей жизни, о своей семье. Эти мысли иногда забирались мне в голову. Мы с Фионой говорили друг другу люблю, но кажется, давно не чувствовали этого. У нас были дети, они нас соединяли. Но так ли должно быть? Дети должны быть продолжением семьи, а не ее началом и ее клеем. Когда родился Глен наши отношения дали трещину. У меня был подъем в карьере, меня заметили и все больше начали приглашать на съемки кино и сериалов. Фиона оставалась одна с детьми. Она забыла о своей карьере, когда родилась Марго и посвятила себя семье. Я видел, как тяжело ей это давалось. Она всегда говорила, что разрывается между семьей и сценой. Она долго думала, когда я предложил ей выйти за меня. Именно этого она и боялась. Ей не хотелось скидывать детей на нянь и родителей, она считала это неприемлемым. Но этот выбор ей пришлось бы делать в любом случае, рано или поздно она вышла бы замуж, не за меня, так за кого-то другого. Между нами образовалась пропасть. Мои мечты исполнялись, в то время как она забывала о своих сидя с детьми. Маленький Глен постоянно болел, ей нужна была помощь. Я хотел отказаться от предложения в съемках, но она сказала, что хватит и того, что она загубила свою карьеру, пусть хоть кто-то из нас исполняет свои мечты. Мы проводили все меньше времени вместе, и все больше отдалялись.

В аэропорту имени Вацлава Гавела меня встретил представитель фестиваля и отвез в отель. Было одиннадцать утра, на фестивале мне нужно было быть в три. Я перекусил и решил поехать пораньше, мне самому было интересно пройтись и посмотреть на все это действо. Специально для этого фестиваля строилось здание. Это был громадный выставочный комплекс в несколько этажей. Был июль, погода была жаркой, повсюду мелькали девушки в легких платьях и откровенных нарядах. Мне подробно объяснили, как найти свой павильон в комплексе, но это было лишним, меня проводили. Моей задачей было раздавать автографы и общаться с поклонниками, в общем, все это было похоже на комик кон, но только в крыле для актеров. Рядом было крыло посвященное литературе.

Я зашел в огромный стеклянный лифт, чтобы подняться на третий этаж, там были выставки народного искусства, мне хотелось посмотреть на выставку своего народа. Несмотря на то, что я жил в Эдинбурге я редко бывал на ежегодном Эдинбургском фестивале. Я любил свою страну. Шотландия пережила многое. Несмотря на то, что мы были частью Англии, многие не считали себя англичанами, а считали себя отдельным государством, которое двести семьдесят лет назад окончательно завоевала Англия. Я так же чувствовал себя шотландцем, а не англичанином. В лифт набилась куча людей, сквозь еще открытые двери я увидел девушку, она бежала к лифту. Девушка была очень яркой, и ее невозможно было не заметить. У нее были длинные светло-каштановые волосы с рыжим отливом, они разлетались кудрями. На ней было темно-зеленое платье из легкой, но непрозрачной ткани. Казалось, что она летит по воздуху, такими легкими были ее шаги. Она жестом просила придержать дверь лифта. Парень рядом с дверью улыбнулся ей и задержал дверь. Она заскочила в лифт, и в нем как будто зажглась лампочка. Она благодарила парня и широко улыбалась ему. По кабине лифта разнесся сладковатый аромат ее духов, пахло жасмином. Ее взгляд был такой открытый, из нее как будто лилось солнце.

Я прошелся по выставке народного искусства, время у меня все равно оставалось, и я решил пройтись еще по музыкальному этажу, может, возьму что-нибудь для Фионы. Набрав дисков я возвращался назад, я шел мимо литературного крыла. В глаза мне бросился стенд,

на нем была девушка из лифта, она улыбалась, руки ее были сложены в жесте намасте. За открытыми стеклянными дверями я увидел и саму девушку, она поправляла книги. Я остановился, меня манило к ней что-то необъяснимое, и я зашел в ее павильон.

– Привет, – сказал я.

Девушка стояла задом ко мне. Она повернулась и улыбнулась.

– Привет, – ответила она.

Она смотрела на меня и широко улыбалась. В ее улыбке было что-то магическое, казалось, она освещала пространство вокруг себя.

– Я тебя видела, – вдруг сказала она, – ты актер?

– Марк Макмиллан, – сказал я, протягивая ей руку.

– Полина Майорова, – представилась она, пожимая мне руку. – Я вспомнила, ты играл в сериале, как же он называется? Прости, я не запоминаю названия фильмов, и имена актеров тоже.

– Не страшно, – сказал я с улыбкой, – а ты писатель?

– Что-то типа того.

Я взял со стола книгу, на обложке была изображена девушка из шестнадцатого или семнадцатого века.

– О чем книга?

– О жизни, о том, куда могут привести мечты.

– Подпишешь мне экземпляр?

– Надо поискать, у меня оставались книги на английском. Ты же англичанин, судя по акценту?

– Я шотландец, а ты?

Я тоже слышал у нее акцент, и не мог понять откуда она. На фестиваль съезжались люди со всего мира.

– Я русская, – сказала она, найдя книгу.

Она написала на листке мои имя и фамилию и показала мне.

– Я правильно написала?

– Да, все верно.

Она написала что-то на форзаце книги и отдала мне.

Я стоял как заколдованный, почему-то мне хотелось обнять ее. Я как будто питался той энергией, что исходила от нее. Мы говорили о фестивале, вдруг у меня зазвонил телефон. Меня звали на место, я опять потерялся во времени.

– Спасибо за книгу.

– Надеюсь, ты ее когда-нибудь прочитаешь, – с улыбкой сказала Полина.

– До встречи, – почему-то сказал я.

– Хорошего дня!

Я шел в какой-то прострации. В этой девушке было что-то необъяснимое, меня тянуло к ней как магнитом. Раньше я никогда не испытывал такого. Я открыл книгу, на форзаце было написано Марку Макмиллану, и ниже фраза «будь счастлив» и подпись. Меня поразила эта простая фраза, будь счастлив. Она меня как будто сбила с ног, пронзила молнией, как правда, которую так просто говорят дети, именно счастья мне и не хватало. У меня все было хорошо, мне вполне можно было позавидовать, но был ли я счастлив? Почему мне, совершенно незнакомому человеку, она написала эти слова? Я что выгляжу несчастным? Я позвонил Ирен.

– Скажи, я выгляжу несчастным? – спросил я ее.

– Да нет. А с чего вдруг такие мысли?

– Со мной кое-что произошло, потом расскажу, а может, и не расскажу, может я просто сейчас под сильным впечатлением и это пройдет.

– Конечно расскажешь, – говорила Ирен, – я же твой лучший друг, мне даже просить не придется, ты сам расскажешь.

Я зашел в свой павильон, и закипела работа. Прошло несколько часов, и я думал только о работе, общался с поклонниками. Образ Полины на какое-то время улетучился из моей головы. Был перерыв и я пошел в туалет, он как бы отделял киношное крыло от литературного. Я повернул в коридор, ведущий к туалету, и почувствовал аромат ее духов. Нет, он не был ярко выраженным или навязчивым, просто он как будто застыл у меня в ноздрях. Я увидел ее в открытую дверь в отражении зеркала, она мыла руки. Я стал так, чтобы она меня не заметила, но сам я хорошо видел ее. Я разглядывал ее. Она была очень привлекательной и эффектной. Эти яркие вьющиеся волосы с рыжиной, струящиеся по ее плечам как водопад, такие милые веснушки на носу, фигура песочные часы, красивые длинные ноги. Я вдруг очнулся, я почувствовал себя подростком, подсматривающим за учительницей. Мне стало неловко, и я вошел в туалет. Мимо меня пронесся парень, мы с ним почти столкнулись, я едва успел увернуться, он вылетел из туалета как ошпаренный. Я обернулся ему вслед и хотел что-то сказать. В этот момент в коридор вышла Полина, парень налетел на нее и сбил с ног, она упала, а парень, не обращая на это внимания, полетел дальше. Я вышел из туалета, и помог ей встать.

– Ты как? – спросил я.

– Жива, – сказала она.

– Он меня тоже чуть не сбил, но я успел увернуться. Сумасшедшие люди!

– Ладно, всякое бывает, видимо он сильно спешил.

Одна туфля слетела с ее ноги, я подобрал ее и присел на корточки. Я взял Полину за щиколотку, и надел туфлю ей на ногу. Она смотрела на меня слегка удивленно. Вдруг ее взгляд, обычно такой открытый изменился. Она улыбнулась, но как-то искусственно, она закрылась от меня. Тут я осознал, что все еще держу ее за ногу. Я встал, и указал пальцем на садину на коленке.

– Бывало и хуже, но промыть не помешает, – сказала она.

Полина приземлилась на ладони, и сейчас вытирала их друг об друга. Она заметила, что при падении сломала ноготь на среднем пальце. Она посмотрела на него и вздохнула с огорчением. Потом снова улыбнулась своей волшебной улыбкой, и показала средний палец со сломанным ногтем в ту сторону, куда убежал парень.

– Ладно, я возвращаюсь в туалет, – сказала она.

– Нужна помощь?

– Нет, спасибо. Правда, спасибо, все хорошо.

Она светилась. Вернувшись в туалет, она снова начала мыть руки, потом разбитую коленку. А я снова стоял и смотрел на нее как замороженный из-за угла. Потом все же вошел в туалет.

Я бы жутко разозлился на ее месте, думал я, лежа в постели номера отеля. А она улыбалась. Интересно, она вообще когда-нибудь грустит? Испытывает негативные чувства? Я открыл книгу, которую она мне дала. Опять эта фраза, будь счастлив, это что ее жизненное кредо? А может и так. Я начал читать, был одиннадцатый час вечера. Я очнулся от урчания в животе и понял, что дико проголодался. На улице было уже светло. Я заказал завтрак и пошел в душ. Я был под впечатлением. Эта книга, которую она написала, была удивительна. У меня в голове роилось столько мыслей. Я прочитал большую ее часть. Когда я спросил, о чем книга, она сказала, что она о жизни. Я тогда подумал, что это очень обоб-

ценно, но теперь понимал, что описать ее двумя словами не получится. Да, в книге, конечно, был сюжет, куда же без него, книга была о деревенской девушке, ставшей фавориткой короля, о ее жизни и трудностях. Но, по сути, книга была не об этом. В ней поднимались такие вопросы, которые задает себе не каждый. Она была так откровенна, до безобразия откровенна. Я читал правду, как она есть, и меня завораживала эта неприкрытая нагота души. Я был поражен. Мне даже не верилось, что книгу написала она. Я конечно не знал Полину, но она казалась такой легкой и воздушной, прям как бeze, а бeze никогда не было на дне. Откуда ей знать все эти вещи? Нужно иметь смелость, чтобы писать вот так открыто, это вызов обществу. А она казалась такой прямо девочкой-девочкой, которую надо оберегать, холить и лелеять, чтобы не разбилась ее волшебная улыбка.

Я позавтракал и поехал в выставочный комплекс. Я приехал раньше времени, и прямиком направился к ее павильону. У меня разбилось сердце, когда я увидел там стенд другого писателя. У меня внутри все взбунтовалось, я не мог примириться с тем, что ее нет. Я даже подумать не мог, что ее может не быть. Я спросил у администратора о Полине, он ответил, что вчера у нее был последний день. Я не унимался, и начал выпрашивать у него ее адрес, и получил его, да хорошо быть известным актером. У меня началась работа, и все постороннее из головы ушло. Но настал перерыв, в коридоре туалета мне казалось, что пахнет ее духами, но это было не так, я заглянул в каждую кабинку. Я стоял в растерянности посреди женского туалета. Внутри меня была какая-то дикая непримиримость. Я умылся и посмотрел на себя в зеркало. Твою мать! Я же в женском туалете! Хорошо, что тут никого нет, подумал я, выходя из него. Да что со мной такое?! Зачем я ищу ее? Что мне от нее нужно? Она красивая? Да. Хотел бы я заняться с ней сексом? Да. Но манило меня к ней не по этому. От нее пахло счастьем, и мне хотелось до одури вдыхать этот аромат. Я был как наркоман в состоянии ломки, мне срочно нужна была она, просто посмотреть в ее открытые, чистые глаза, вдохнуть поглубже ее бездонную улыбку. Это было какое-то сумасшествие. Я зашел в бар и выпил сто граммов водки залпом. Я никогда раньше не пил на работе. И никогда не пытался топить эмоции в алкоголе. Я переживу это, я правда не совсем понимаю что же это, но переживу. Мне надо вернуться назад, к поклонникам, мне сразу станет лучше.

Когда работа закончилась, наркоманская ломка вернулась. Я поехал в отель, адрес которого дал мне администратор. На ресепшене мне сказали, что она выехала вчера ночью. Я не сдавался, во всю улыбаясь девушке администратору, я пытался выведать хоть какую-то информацию, возможно, она переехала в другой отель. Ну мало ли! Нет, она не переехала, она срочно улетела в Москву, потому что через отель она заказывала билет на самолет, и такси отеля отвезло ее в аэропорт. Я вышел из отеля и сел на ступеньку тротуара. Я вдруг почувствовал себя брошенным. Мне захотелось поговорить с кем-то близким. Я позвонил Фионе. Она рассказывала мне о детях, о маме, которая приезжала в гости и о всяких домашних делах. Мне стало спокойно, это было именно то, что нужно. Какая же я скотина, позвонил жене, чтобы она успокоила меня, потому что я потерял едва знакомую женщину, которая свела меня с ума. Я почувствовал угрызения совести, мне хотелось домой. Но быть мне здесь еще два дня.

Вернувшись в отель, я дочитал книгу. Я давно не читал литературы, которая наталкивает тебя на определенные мысли и размышления, справедливости ради надо признаться, что читал я все меньше и меньше из-за дефицита времени. Я заснул как убитый, потому что прошлой ночью ни на секунду не закрыл глаза. На следующий день, вернувшись вечером в отель, я не знал куда себя деть. Мне было скучно. Ночью мне снилась Полина, мы занимались с ней сексом в каком-то поле. Я обнимал ее, выдыхал каждый миллиметр ее тела, вбирал в себя всю ее, мне хотелось поместить ее внутрь себя, чтобы она была только моя, и больше никогда от меня не сбежала. Я вспомнил сон. Интересно, она замужем? Кто она вообще такая? На эти вопросы мне ответил интернет. Ей было тридцать пять лет, она не была

замужем, вообще о ее личной жизни я практически не нашел информации. Она написала несколько книг, и многие из них были достаточно популярны, их перевели на несколько языков. У нее был свой ресторан французской кухни, он тоже был популярен в Москве. Она жила на две страны и имела двойное гражданство, российское и бразильское. Она была довольно богата. Но история ее богатства была покрыта тайной. Она была совсем небогатой большую часть своей жизни, а потом резко разбогатела. На вопросы журналистов о том, откуда у нее появились деньги, она отвечала, что получила наследство. По этому вопросу было проведено частное расследование ее генеалогического дерева, никаких богатых родственников у нее не было. Этому моменту уделялось больше всего внимания, и было больше всего информации. Мало кого интересовало то, куда она тратит эти деньги, а она активно занималась благотворительностью, открыла несколько социальных клиник для наркоманов и людей с алкогольной зависимостью, спонсировала программы по охране природы и много чего еще. Ночью мне опять снилась она. Это стало каким-то наваждением, я больше ни о чем не мог думать. Я постоянно вспоминал, как прикоснулся к ее ноге, меня возбуждала уже одна мысль об этом, и я несколько раз мастурбировал.

Был последний день. Мой последний рабочий час подходил к концу. Я ждал этого с нетерпением, мне хотелось поскорее сбежать отсюда. Прямо из выставочного комплекса я поехал в аэропорт, пришлось брать билет с пересадкой в Дублине, прямые были только утром. В Эдинбург я прилетел уже ночью. Меня встречала Фиона. Я прижался к ней как ребенок, мне хотелось укрыться за ней, как за мамой. Детей не было дома, они остались на ночевку у наших друзей, у них были дети почти того же возраста, что и наши. Заходя в ванную, я заметил, что на туалетном столике стоял новый флакон с духами. Фиона любила парфюм, и покупала его пачками. Она вошла в ванную.

– Я купила новые духи, – сказала она, и брызнула себе ими на шею.

Я остолбенел. Это были духи Полины.

– Тебе нравится? – спросила Фиона.

Я ничего не ответил. В глазах у меня помутнело. Я подошел к Фионе и начал целовать ее. Я закрыл глаза и представил, что на ее месте Полина. Я не мог ею насладиться, я хватал ее почти грубо. Я задрал ее платье и разорвал на ней трусики. Сердце у меня колотилось как бешеное. Я повалил ее на пол и вошел в нее. Я так жадно ее целовал, двигаясь все быстрее. Я кончил и лег рядом на пол.

– Ого! – сказала Фиона, – что это было?

– Я по тебе соскучился, – соврал я.

Мне было стыдно. На следующий день я выбросил эти духи, а Фионе сказал, что случайно разбил их. Она особо не расстроилась, они ей не очень понравились. Я привез детей домой, я был рад окунуться в семейную жизнь, мне хотелось в ней спрятаться. Я взял недельный отпуск, и все время проводил с семьей. Первое, на что я обратил внимание, когда Фиона встречала меня в аэропорту, было то, как она выглядела. Она была уставшей и замотанной. От нее совсем не пахло счастьем. Я решил, что надо больше времени уделять семье и помогать Фионе. Она не заслужила быть всегда одна. Мы ходили на концерты и выставки, вместе готовили и убирали, я старался во всем ей помогать.

Через несколько дней приехала Ирен. Мы лежали с ней на лужайке на заднем дворе нашего дома.

– Так что там у тебя произошло? – спросила она.

Я рассказал ей все, я ничего не утаил.

– А ты не влюбился случаем?

– Не думаю. Это просто было временное помутнение.

– Было? Сейчас уже прошло?

– Я стараюсь об этом не думать, больше проводить времени с семьей и помогать Фионе. Она выглядит очень усталой.

– Я не вижу по ней, что бы это помогло. Проблема у нее в голове, а не в ваших отношениях. Она не перестает думать о том, какая бы жизнь у нее была, если бы не было детей.

– Может ей просто нужно больше времени. Я стараюсь разгрузить свой график. Я отказался от съемок в одном фильме.

– А она что на это сказала?

– Я ей не говорил, она будет меня отговаривать. Я хочу наладить свою семейную жизнь.

– Дай бог, – сказала Ирен без особого энтузиазма.

2

Прошел почти год. О Полине я пытался не вспоминать. Как ни старался я наладить отношения с Фионой у меня ничего не выходило. Нет, у нас все было хорошо. Просто мы не были счастливы. У нас были дети, они нас держали. Я отказывался от многих предложений, и мой агент постоянно наезжал на меня по этому поводу. Он был итальянец, горячая кровь. Когда он сильно злился на меня, то начинал причитать по-итальянски, а я сравнивал его с итальянской бабкой, которая сетует на плохих соседей.

– Приехал Серджио, – сказала Фиона, входя в комнату.

– Сейчас опять будет кричать благим итальянским матом! – шутил я.

– Да. Он сказал, что у него есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, и придушит тебя собственными руками, если ты опять будешь выдумывать отговорки.

Я нехотя вышел из комнаты. Серджио был настроен решительно, он даже не поздоровался. Он стоял, упершись руками в бока.

– Ты будешь сниматься в сериале и точка!

– Расскажешь хоть что за сериал?

– Про одну гувернантку, нет фаворитку, сейчас, – он достал что-то из портфеля. – Сериал будет сниматься по этой книге. Книга очень популярна, и они еще не нашли актера на главную роль. Съёмки будут проходить по большей части в Эдинбурге, так что ты не отвертись!

Серджио протянул мне книгу и мое сердце сжалось. Это была книга Полины, которую она подписывала для меня. Я смотрел на нее затаив дыхание.

– Я читал ее, – сказал я, – снимать будут англичане?

– Да, но совместно с русскими, один наш телеканал сам предложил автору снять сериал, и она выставила много условий, она будет участвовать почти во всех процессах.

У меня кольнуло сердце, а потом вдруг расцвело, на задней обложке книги было фото Полины, она улыбалась на нем своей волшебной улыбкой. Я увидел ее и мой разум отключился.

– Она сейчас здесь? Автор, – спросил я.

– Да, она участвует в подборе актеров.

– Поехали туда, – уверенно сказал я.

– Тебе не обязательно ехать, я просто пошлю им предложение. Я уверен тебя возьмут, об этом даже думать не стоит, ты же у нас суперзвезда, ты вообще сделаешь им одолжение, соглашаясь сняться.

– Нет, я хочу поехать.

– Как хочешь, – сказал Серджио, – так ты согласен?!

– Да. Я буду сниматься.

У меня внутри было нетерпение, и я гнал, нарушая правила движения.

– Мама мия! – кричал Серджио, – ты проехал на красный! Мне пока дорога моя жизнь, полегче, приятель!

Серджио был геем, и все выражения подкреплялись гейскими жестами. Я не обращал на него внимания. Мне хотелось скорее увидеть ее. Пробы проходили в небольшом театре. Я еще не понимал, какие чувства испытываю, но мне бесконечно хотелось увидеть ее. Зачем? Я и сам не понимал. Мы вошли в зал театра, там никого не было, нам сказали, где их найти. Мы вошли в большую комнату, там было несколько человек, посередине стоял длинный стол. Полина стояла задом к входу и разговаривала с каким-то мужчиной по-русски. Аромат ее духов обволакивал комнату словно легким шелком, и я жадно втягивал его ноздрями. Она

засмеялась, ее смех был такой звонкий и разливался, словно музыка, он был такой чистый и живой. Она вся была соткана из света, из нее лилась жизнь. Я снова смотрел на нее как зачарованный. Она была здесь, я нашел ее. Я почувствовал, как отступила наркоманская ломка, которую я глубоко прятал весь этот год. Его как будто не было, время остановилось. Была она, и этого было достаточно.

Серджио подошел к ним и что-то сказал, я не слушал, я ловил волшебные мгновения. Полина обернулась и широко улыбнулась, увидев меня.

– Привет! – сказала она, – я тебя помню, ты был в Праге на фестивале искусств.

– Да, – отвечал я, также улыбаясь, ее улыбка была очень заразительна, – как нога?

– Давно зажила. А тебя значит, заинтересовал этот проект?

– Да, мне сказали, что на роль короля еще не выбрали актера.

– Еще не выбрали, я очень переборчивая.

– А в чем проблема? У нас полно хороших актеров.

– Я буду играть роль фаворитки, так что король должен быть мне симпатичен, к тому же там очень много откровенных интимных сцен, – с улыбкой сказала она. – Так что мы ищем не только талант.

Она начала меня рассматривать, медленно обошла вокруг, она смотрела на меня как на товар, было интересно видеть ее в таком амплуа. Потом она начала говорить что-то русскому мужчине, который оказался их продюсером.

– Что ж, внешне ты очень похож на персонажа, и ты мне симпатичен, и мне сказали, что ты супер-пупер-звезда, так что выделяться я не буду. Мы отсмотрели столько актеров, что у меня уже голова кругом. В общем, велком!

Она так спокойно сказала о том, что я ей симпатичен, как между прочим. Для меня это было сейчас очень важно. Хотя заниженной самооценкой я не страдал, скорее наоборот. В прошлом году один модный английский журнал признал меня самым красивым мужчиной года. Но перед ней я робел как мальчишка. Серджио обговаривал нюансы контракта, а мы играли какие-то мелкие сценки.

– Я не знал что ты актриса, – сказал я Полине, когда мы уже собирались уходить.

– Я и не актриса, по крайней мере никогда не играла.

– По тебе не скажешь, – удивился я, – значит это талант от природы.

– У меня много талантов, – с улыбкой отвечала она.

Я хотел пригласить ее выпить кофе, мне жутко не хотелось с ней расставаться, но я побоялся спугнуть ее. Мне не хотелось, что бы она думала, что я к ней подкатываю. Это было не так. Мне было достаточно просто быть рядом с ней, и пить ее волшебную энергию.

Когда я приехал домой, Фиона просматривала эту книгу. Она была не очень довольна.

– А приблизительный сценарий уже написали? – спросила она.

Я держал его в руках, и положил перед ней на стол. Она начала листать его.

– Там мало что отличается от книги, автор настаивает на этом.

Фиона нахмурилась.

– Что не так? – спросил я.

– Они там круглыми сутками трахаются, мне это не нравится.

– Что за ревность? – удивился я, – это не первая моя парная роль, где тоже были интимные сцены.

– Здесь их очень много, и они такие откровенные.

– Ты хочешь, что бы я отказался?

– Нет! Ни за что, работай, а то ты уже пылью покрылся.

– Разве тебе не нравится, что я бываю больше дома, с тобой и детьми? Я делаю это ради тебя.

– Мне кажется, что это не помогает, – грустно сказала Фиона.

– Почему ты раньше молчала? – в растерянности сказал я. – Давай что-то делать, пойдем к семейному психологу, или еще что-нибудь сделаем. Только давай сделаем, и вместе. Неужели ты не хочешь что бы наш брак был лучше?

– Дело не в тебе. Я вижу, что ты стараешься, и очень благодарна тебе за это. Я просто не знаю, чего я сама хочу. Я постоянно вспоминаю кота из Алисы в стране чудес,

– Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти? – спросила Алиса.

– А куда ты хочешь попасть? – ответил Кот.

– Мне все равно... – сказала Алиса.

– Тогда все равно, куда и идти, – заметил Кот.

– Я не знаю, куда я иду, я запуталась и тяну тебя за собой.

– Я могу тебе чем-то помочь? Я готов сделать все.

– Я не знаю. Наверно нет.

– Так жить нельзя, – тихо сказал я.

Я сидел на диване, и Фиона забралась ко мне на руки. Я поцеловал ее, и она положила голову ко мне на плечо. Мы сидели обнявшись, физически мы были очень близко друг к другу, но морально нас разделяла пропасть. Мы были так далеки, и чтобы услышать друг друга, нам приходилось кричать. В дом зашла Марго. Она была вся взъерошенная, она каталась на роликах с подружкой. Разувшись Марго упала к нам на диван и начала рассказывать как ей это понравилось. Она сбивалась с одного на другое, эмоции переполняли ее.

– Это так круто! Я не знаю, почему я раньше отказывалась! Я ни разу не упала!

– Молодец, крольчонок, – говорил я, глядя ее по голове.

Настроение мое улучшилось, в дом забежал кусочек счастья, Фиона тоже улыбалась, глядя на Марго. Она очень любила наших детей.

– Мам, давай завтра съездим в аквапарк? Пожалуйста!

– Конечно съездим.

Съемки должны были начаться через месяц, все было почти готово. Пока было время, я свозил детей в Диснейленд, Фиона отказалась, сказала, что устроит девичник. А я был рад провести время с детьми. Я заряжался от них как батарейка. К нам присоединилась Ирен. Дети любили ее.

– Мне кажется, ты неправильно строишь свои мысли в голове, – говорила она, – посмотри на себя, ты гонишься за чужими эмоциями, за чужим счастьем. А где твое собственное? Ты и на Полину эту запал, потому что в ней эмоций на десятерых. Ты стал вампиром, притом, что твоей собственной энергии предостаточно. Куда все делось? Что с тобой стало?

– Мне сорок один год, я старею! – шутил я.

– Возраст тут не причем. Ты закрылся от жизни.

– Откуда тебе знать, ты моложе меня на десять лет. Доживи сначала до моих лет, – также с улыбкой говорил я. Но я понимал, что она права.

– Фиона тонет и тянет тебя за собой.

– Она не дает мне ей помочь, а сам я не знаю как. Я ходил к психологу, он сказал мне, что она сама должна захотеть жить лучше, никто не сможет ее заставить. У нас не все так плохо, в общем даже хорошо, поэтому она не двигается вперед. Психолог посоветовал сделать ее жизнь хуже. Звучит конечно странно. Но я понимаю смысл. Ей нужен волшебный пендаль. Но я чувствую себя обязанным ей, она бросила карьеру ради семьи. Я знаю, что неправильно так думать, но я думаю. И делать ее жизнь еще хуже мне просто совесть не позволяет. Мне

кажется, что я уже все перепробовал. Я не знаю, что будет дальше, когда начнутся съемки дома я буду гораздо реже. Может это и будет пендалем, не знаю.

– То есть ты не живешь из-за чувства вины за то, что она бросила сцену? – удивленно спросила Ирен, – она пожертвовала карьерой, а ты должен жертвовать своей жизнью??

– Я бы сказал другими словами, но смысла это не изменит.

– Что это вообще за бред? Почему в твоем видении люди всегда должны чем-то жертвовать?

– Это наверно прозвучит страшно, но пока Фиона была счастлива, мы оба были счастливы. Теперь, раз она не испытывает радости к жизни, я тоже не могу ее испытывать, потому что это будет предательством с моей стороны.

– Господи, дайте мне кто-нибудь ружье, я застрелю этого придурка! Ты хоть сам слышишь, что ты вообще несешь?!

– Да. И когда говоришь это вслух, понимаешь всю абсурдность ситуации.

– Ты не можешь нести ответственность за выбор Фионы. Это глупо. Ты не бросаешь ее, напротив, ты делаешь все, чтобы наладить вашу жизнь, но она отказывается от помощи. Это очень эгоистично с ее стороны, она же видит, что ты задыхаешься рядом с ней, но все равно держит тебя.

– Мне кажется ты преувеличиваешь. У нас не все так плохо. Мы не ругаемся, мы поддерживаем друг друга, воспитываем детей, у нас замечательные дети, они нас обоих любят. Мы занимаемся сексом, в конце концов, и даже получаем от этого удовольствие. Я не могу сказать, что мы несчастны. Но мы и не счастливы. Я думаю, так живет восемьдесят процентов населения всей планеты.

– Так может жить хоть все население планеты. Только ответь на вопрос, ты хотел бы видеть Фиону, такой как эта Полина?

– Это было бы идеально.

– Это говорит о том, что ты хочешь быть счастливым. Мне кажется, что ты уже просто забыл, что это такое, быть действительно счастливым, поэтому и не стремишься к счастью. Ты забыл, какой у него вкус. Но эта Полина всколыхнула в тебе это чувство, и ты побежал за ним как наркоман. Ты противоречишь сам себе. Ты сам сказал, тебе сорок один год, не успеешь оглянуться, как будешь подводить итоги своей жизни, и непременно будешь сожалеть. – Ирен обняла меня. – Я люблю тебя, ты мой друг, и я очень хочу что бы ты был счастлив. Жизнь без счастья не имеет смысла.

3

Было первое общее собрание, мы обсуждали персонажей, их характеры и в чем они их проявляли. Полина задерживалась и мы начали без нее.

– Ей это не понравится, – сказал режиссер от английского канала, – но мы не можем ее ждать.

Пошли бурные обсуждения и споры. В их разгар вошла Полина, и тихо села на пустой стул. Она пыталась понять, о чем спор. По выражению ее лица я увидел, что она уловила суть разговора. Лицо у нее становилось жестче. Я никогда не видел ее с таким выражением лица, и мне было интересно наблюдать за ней. Я сидел молча, я не участвовал в споре, мне хватало дипломатичности дождаться, когда все выпустят пар, и только тогда высказать свое мнение. Лицо Полины становилось все темнее и темнее. Мне было интересно посмотреть на бурю. А умеет ли она вообще создавать бурю? Должна бы, она владела рестораном, вероятно должна была уметь управлять людьми.

– Нет, ты не понимаешь, – спорила одна актриса с другой, – Ингрит хочет помочь Марии, она хочет как лучше, это не зависть.

– Нет, Ингрит завидует Марии, – вмешалась в спор Полина.

– Нет же, это не зависть, она так проявляет дружеское отношение, – не унималась актриса, что играла Ингрит.

Тут Полина встала со стула. Да! Будет буря! Где моя камера?

– Ты будешь МНЕ рассказывать, что чувствует Ингрит??! – закричала Полина. – Никто не знает каждого персонажа лучше, чем я! Потому что Я их придумала!

Актриса, что играла Ингрит, хотела что-то возразить, но Полина осекла ее жестом.

– Если ты прямо сейчас не заткнешься, если все вы сейчас не заткнетесь, я разорву контакт и сегодня же уеду домой!

В зале, наконец, повисла тишина.

– А она может? – кто-то тихо спросил продюсера.

– Может, – ответил тот, – контракт это предусматривает, так что лучше бы всем и правда заткнуться, если мы хотим снять этот сериал.

– Меня достало то, что все пытаются рассказать мне, что и как должно быть в книге, которую написала я! – продолжала кричать Полина. – Я сразу сказала, что отходить от книги мы не будем. Вы согласились, – кричала она уже на режиссеров и сценаристов, – но, несмотря на это, все целый год пытались подsunуть мне свои мысли. Вам нравится другая книга? Так напишите ее и снимайте по ней что хотите! Это была последняя капля. Если еще раз хоть кто-нибудь начнет рассказывать мне о моей же книге, контракт будет расторгнут!

Никто больше не пытался ей перечить. Все просто молча сидели и смотрели на нее. Потрясающе, подумал я. Она заткнула всех не столько криком, кричать умеют все. У нее внутри была такая решимость, такая сила, что ей можно было все это сказать спокойным тоном, и результат был бы тем же. А она не такая уж милашка, какой кажется. Мне это понравилось, приторно сладкие люди быстро надоедают. А здесь была перчинка.

Она подошла к окну, раскрыла его и закурила.

– Здесь нельзя курить, – аккуратно сказал наш режиссер.

– Здесь есть некурящие? – совершенно спокойным тоном спросила Полина.

Некурящих не оказалось.

– Тогда, я думаю, никто не будет против? Там такой дождь идет, я не хочу промокнуть.

Никто не был против. Я подошел к ней и тоже закурил.

– Вообще в здании есть курилка, но там сейчас покрасили стены, и пару дней просили не ходить туда.

Она посмотрела на меня и улыбнулась своей волшебной улыбкой.

– Ты снова улыбаешься?

– Я не хотела кричать. Я просто очень устала. У меня больше нет сил бороться. Я действительно разорву контракт, если это продолжится.

– Не горячись.

– Я и не горячусь. Мне вообще это было не нужно, мне некогда особо этим заниматься, а тут еще все время меня пытаются в чем-то переубедить. Одно дело если бы я сама хотела, и горела этой мыслью, может я бы и пошла на уступки, но я не заинтересована в этом проекте. Нет, мне конечно это льстит и в общем интересно, но не до такой степени что бы я прогибалась. Я не особо расстроюсь, если сериала не будет.

– Не злись, но почему ты так против небольших отклонений?

– Это не небольшие отклонения, они меняют историю. А это то, чего я очень не люблю. Англия не моя родная страна, и когда я писала эту книгу я специально ходила на курс истории Англии именно по этому времени. Я детально все изучала. Я понимаю, это телевиденье, людям не так важно, что было на самом деле, главное, что бы было интересно смотреть. Но есть истории, которые очень интересны сами по себе, их не нужно приукрашивать, понимаешь? Эта история именно такая. Кроме того, книга не совсем об истории, она о другом. Я додумала то, чему нет исторического подтверждения. Книгу читают, а значит, она интересна. Я не хочу, что бы это был очередной сериал об этом короле, в нем должно быть другое, другой смысл, он не столько исторический, сколько философский. Но это не значит, что я согласна менять историю.

Она выбросила окурок.

– Я больше не хочу об этом говорить. Я устала. Послушай лучше какой дождь.

Она закрыла глаза и вдыхала запах дождя. Чего я там не видел, подумал я, это же Шотландия, здесь всегда идет дождь. Я посмотрел на нее и тут же забыл обо всем. Она как будто слилась с этим дождем и растворилась в нем. Из нее сплошным потоком лилась какая-то новая энергия. Это было спокойствие, умиротворение. Вот дает! Еще пять минут назад она орала как резаная, а сейчас само спокойствие. И как у нее это получается?

Начались съемки. Было интересно, ей удалось развернуть сюжет так, как ей хотелось. Она больше не кричала, она брала всех своей волшебной улыбкой, и тем, что она несла. В нее влюбилась вся съемочная группа. Да и как в нее можно было не влюбиться? Прошло два месяца, и мы плавно подходили к поцелую и первому интимному моменту. Я боялся этого. Мне казалось, что когда я прикоснусь к ней, у меня окончательно снесет башню. Я рассматривал ее, какой же красивой она была! В ней все было идеально.

Мы обсуждали с ней первую интимную сцену.

– Я немного волнуюсь, – призналась она, – я не актриса, и я не знаю как себя вести.

– Не переживай, на это есть режиссер. Он четко руководит твоими действиями, говорит что и как ты должна делать. Просто выполняй это. Все как всегда. Мы можем порепетировать вдвоем, если хочешь.

– Хочу, – неуверенно сказала она. – А как это будет происходить?

– Будем мы и режиссер, он поможет. Можно порепетировать у тебя дома, думаю, тебе так будет спокойнее.

– Хорошо, тебе виднее. Здесь я не буду командовать, а буду прислушиваться к вам, – с улыбкой сказала она.

Полина снимала небольшой уютный домик. Днем следующего дня мы с режиссером Диего пришли к ней.

– С чего начнем? – спросил Диего.

– Давайте сразу с интимного, – сказала Полина.

Она улыбалась, впрочем, как всегда. Я волновался в сто раз больше нее, и репетиция нужна была мне самому. Здесь мы будем в одежде, а это в разы лучше, чем прикасаться к ее полуголому телу. На съемочной площадке она будет в полупрозрачной тонкой ночной сорочке. Мы начали проигрывать сцену.

– В этот момент Генрих целует Франческу, – сказал Диего.

– Полина, ты боишься ему отказать, он все же король, но неприязни ты тоже не должна выказывать. Он зовет тебя к себе, и ты садишься на край кровати. Ты просто даешь ему себя поцеловать. Не забывай, Франческа не знает, что будет дальше. Хорошо?

Полина кивнула.

– Давайте с того места где Генрих приглашает Франческу в кровать.

Я лежал на кровати, казалось, мое сердце сейчас выпрыгнет у меня изо рта, как только я открою его. Вот она садится на край кровати. Я сажусь позади нее и медленно глажу ее по шее. От нее пахнет жасмином, я вдруг вспомнил, как впервые услышал этот аромат в лифте Праги. Я чувствую, как ее кожа под моими пальцами покрывается мурашками. В комнате не было холодно, и руки у меня не были холодными, значит это реакция ее тела. Я целую ее в плечо, потом разворачиваю к себе, она смотрит на меня слегка испуганно, но так задумано, она играет. Я провожу ладонью по ее лицу, и мои губы приближаются к ней. Ее губы слегка раскрылись, буквально на два миллиметра, так не должно быть, Франческа боится Генриха, а открывшиеся губы говорят о желании. Боже, как меня манило к ней, я хотел впитаться в ее губы. Хорошо, что такие же желания одолевали и моего персонажа. Еще две секунды и я касаюсь ее губ, они такие мягкие и нежные. Я впииваюсь в нее, как в последний шанс в жизни, она раскрывает губы сильнее, и мой язык неглубоко проникает ей в рот. Что встречает там мой язык? Ее язык! Она меня целует, отвечает мне, так быть тоже не должно, но я чувствую, как она едва заметно подалась ко мне всем телом.

– Полина, – вырвал меня из пропасти голос Диего, – не отвечай ему, ты просто даешь себя поцеловать, не сопротивляешься, но и не поддаешься ему.

– Хорошо, – ответила она.

– Давайте заново, – сказал Диего.

Я смотрел на Полину, она слегка покраснела. Надо бы прикрыть подушкой свою эрекцию, подумал я. В это момент Полина садится на край кровати. Все повторяется. Я целую ее, но она уже не отвечает. Дальше я укладываю ее на кровать и сжимаю в руке ее грудь, под пальцем я чувствую ее торчащий от возбуждения сосок. Да! Она меня тоже хочет! Почему-то подумал я, как будто это была цель того, чем мы тут занимались. Я продолжаю целовать ее губы, в это время мои руки блуждают по ее телу, потом спускаюсь по шее, задерживаюсь на ней, дальше мои губы приближаются к ее груди. Полина лежит не шевелясь, так должно быть. Тут я от нее отстраняюсь, и говорю, что не намерен насиловать ее, что привык к тому, что женщины сами прыгают в мою постель и так далее, по сценарию.

– Все не так страшно, как мне казалось, – сказала Полина.

– Вот и отличненько, – сказал Диего, – мы можем репетировать все интимные сцены, пока ты не привыкнешь к Марку.

– Да. Было бы хорошо. Спасибо!

Дома я опять накинулся на Фиону, как голодный зверь. Ей это даже нравилось. Ты просто не знаешь причину, стыдливо думал я. Что же будет дальше, когда будут очень откровенные сцены? Я читал сценарий, и мне становилось дурно. Сегодня был простой поцелуй, это даже не цветочки, а едва завязавшиеся бутончики. Где же твой профессионализм? Спрашивал я себя. У тебя ведь были разные съемки, и интимные в том числе, и тоже не менее откровенные. Что же ты тогда не привязывал свою крышу? Женщины были не те. Вообще, все женщины в мире были не теми. Полина была каким-то оазисом, чем-то нереальным,

волшебным и манящим. Я летел к ней, как мотылек на огонь, отдавая себе полный отчет в том, что я сгорю, но я не мог не лететь. Это хуже героиновой зависимости.

Мы подходили к первой интимной сцене, в ней Генрих должен был лишать Франческу невинности. Генрих был безумно влюблен в нее, и безумно хотел ее, хотел обладать ею до последней капли. Наши желания совпадали, и мне было совсем не трудно играть его. Но я начал замечать, что к Полине у меня появлялись другие чувства. Она была очень хорошим человеком, добрым и отзывчивым. Она была веселой, вечно улыбающейся и смеющейся своим звонким, заливистым смехом, в который влюбились все вокруг. Она была очень понимающей. Была и ее перчинка, она была очень эмоциональна и импульсивна. Ей дали прозвище чайник. Она закипала в считанные минуты, это было видно по выражению ее лица, потом наступал момент закипания, и со звуком вылетал свисток. Она могла закипеть от какой-нибудь мелочи, в две секунды налетают тучи, двухминутный крик, и снова солнце и радуга. Весь этот процесс занимал не больше десяти-пятнадцати минут. Иногда я слышал, как кто-нибудь кричал «берегись, чайник закипает!». Она не была злой или истеричкой, она даже кричала забавно, без злости, просто таким образом она выпускала пар.

– А ты думаешь, почему я такая беззаботная? – как-то спросила она, – я не коплю негатив, я закипела, выплеснула и забыла. Это один из секретов счастья.

Полина часто болела, хотя болезнью это назвать сложно, она плохо себя чувствовала в дождливые дни. Но, друзья, мы ведь в Шотландии! Здесь всегда идет дождь. Сначала она себя заставляла и пыталась побороть. Но организм был выше нее. В связи с этим было решено перенести съемки во Францию. Там были замки и уголья, в общем все, что было нужно. Пока был переезд, у нас образовалось свободное время.

– Что будешь делать? – спросил я Полину.

– Поеду во Францию, у меня там есть домик в Бургундии.

– Круто! Просто домик?

– Не совсем, это усадьба. У меня есть свои виноградники, и даже своя марка вина.

– Ты не пересташь меня удивлять! А я останусь в дождливой Шотландии.

– Хочешь, поехали со мной, – как бы между делом сказала она.

– Конечно хочу!

– А тебя жена отпустит?

– С этим я разберусь.

Фионе я сказал, что уезжаю уже работать, и пока будут павильонные съемки. Вполне возможно, что она не была бы против, но я соврал на всякий случай. У детей уже начался учебный год, Глен пошел в первый класс, и у Фионы появилось время на себя. Она подумывала вернуться на сцену. Из Эдинбурга нас забрал личный самолет Полины. Это был не просто частный самолет, это был огромный Боинг. Она много путешествовала и любила делать это с комфортом. Наличие именно такого самолета она объясняла тем, что часто летала из Москвы в Рио-де-Жанейро, путь неблизкий, а она не любила остановки в других аэропортах для дозаправки. Это был не самолет, а сказка! Там было две спальни с душем, гостиная, кухня и столовая. Стюардесс не было, только два пилота, сейчас на борту был один. Лететь было около трех часов, и, войдя в самолет, она тут же плюхнулась на диван.

– Тебе плохо? – спросил я.

– Да. Мне всегда плохо. Ничего, мы скоро прилетим в нормальный климат, и все наладится. Я люблю Рио, там я чувствую себя лучше всего.

– Какие страны тебе еще нравятся?

– Каждая по-своему интересна и уникальна, я люблю весь мир. Но, если выбирать, то мне больше нравится Латинская Америка, там совсем другие люди. Они очень самобытны, и делают то, что хотят, там гораздо меньше рамок, и люди счастливее.

Мы прилетели в аэропорт города Дижон. Самолет заехал в ангар, там был автомобиль и еще один самолет, маленький. Полина спросила что-то у пилота по-русски.

– Мы будем не одни, – сказала она мне, – там моя мама. Вообще она должна была еще вчера улететь в Москву, но появилось дело в Рио, и она ждет этот самолет. Завтра утром они улетят.

Пилот сел за руль автомобиля, и мы направились к усадьбе. Вообще со всем своим персоналом Полина обращалась по-дружески. Пилот до завтра оставался в усадьбе, там его ждал второй пилот. Мы ехали чуть больше часа. Погода была хорошая, было тепло для октября, светило солнце. Мы ехали среди полей, было очень красиво. Я никогда не был в этой части Франции, мне хотелось посмотреть на виноградники. Мы подъехали к дому, он был очень красивый, белый с черепицей кирпичного цвета, по одной из стен дома до самой крыши плелся дикий виноград, листья его были уже красноватыми. Нас встречали три женщины. Все они были очень разные. Первой была тетя Соня, она была еврейкой преклонного возраста, худенькая, маленького роста, со слегка крючковатым носом, и черными кудрями, собранными в пучок. Они с мужем жили здесь до того, как Полина купила усадьбу. Они занимались виноградниками. Второй была Беатрис. Габаритная женщина за сорок, высокая и полная, на ней был одет фартук темного цвета, на голове платок, рукава засучены, от нее пахло молоком. Глаза у нее были живые и добрые. Беатрис всем тут управляла. Она так же жила здесь до появления Полины. Вообще здесь жили почти все, кто работал и жил тут до Полины. Она купила усадьбу у одного обанкротившегося француза. Помимо дома тут было много гектаров земли, на которых выращивали овощи и фрукты для продажи, здесь же была небольшая ферма, коровы, овцы, козы, ну и, конечно, виноградники. Все без исключения продукты были своими, и от этого ужин, которым нас кормили был просто волшебным. Третьей женщиной была мама Полины Татьяна. Мама была обычной советской женщиной, с золотыми зубами. По-английски из них говорили тетя Соня и мама Полины. С остальными Полина разговаривала по-французски. Внутри дом был просто волшебный, в прованском стиле. Светлые стены и деревянный светло-серый пол. Светлые диваны и кресла, белые подушки на них, с вышитыми пионами и сиренью. Бордовые открытые стеллажи с книгами, камин, труба которого была выложена плиткой с изображением лаванды. Большие окна, и французские окна с выходом на балконы и веранду. Столовая с деревянной мебелью натурального цвета, много всяких декоративных шкафчиков, намеренно состаренных, выглядело очень колоритно. Цветы, конечно, везде были цветы. На столах, на полках, на полу огромные фикусы, много цветов, везде цветы. Дом был очень светлый и легкий, он был как бы отражением самой Полины. Беатрис тепло обнимала Полину, и целовала ее в щеки. Они не были похожи на работника и работодателя, они больше походили на семью. Это было удивительно, здесь было так тепло, так комфортно, что мне захотелось остаться тут навсегда с этими замечательными людьми. Тетя Соня отвела меня в предназначенную для меня комнату. Комната не отличалась от всего дома, она была такой же светлой и уютной.

Был вечер, и мы ужинали в столовой. С нами была мама Полины и тетя Соня и мужем. Беатрис уехала куда-то по делам.

– Ганс! – прикрикнула тетя Соня на мужа, – это не то вино, принеси того, не жадничай!

Удивительно, но тетя Соня была еврейкой, а Ганс, ее муж был чистокровным немцем. Им обоим было под семьдесят, и когда они поженились, в памяти еще очень живо стояла вторая мировая война и холокост. Но сердцу не прикажешь, случилось и такое. Родители Ганса не поддерживали Гитлера, и долго скитались по Европе, потом переехали в Америку,

там прожили пятнадцать лет, после чего вернулись на родину. Молодой Ганс уехал во Францию учиться виноделию, здесь он познакомился с тетей Соней.

– Она была такой красавицей, что у меня челюсть отвалилась, когда я впервые увидел ее, – рассказывал Ганс. – Она работала под Марселем, на лавандовом поле. Господи, как давно это было, но я помню это как сейчас. Я боялся говорить ей, что я немец, и выдумал себе французское имя, но сильный акцент выдавал меня.

Я рассматривал маму Полины, они были совсем не похожи. Татьяна была слегка зажатой. Она расспрашивала меня о моей жизни, зачем я сюда приехал и так далее.

– Мама считает, что у нас с тобой роман, – с улыбкой сказала Полина, – я ей сказала, что это не так, но она вероятно не поверила.

– А я и думаю, почему она так настороженно на меня смотрит! И так спокойно рассказываю про жену и детей!

Мы смеялись, эта ситуация казалась абсурдной. Казалась или была?

На следующее утро Полина повела меня на виноградники. Татьяна уехала рано утром, так что завтракали мы в гордом одиночестве. В этом доме никто не жил, Беатрис, тетя Соня, и все остальные жили в других домах, которые были недалеко от основного дома. Мы шли среди полей, мне было так спокойно. Мне нравилось все вокруг, хотя красоты уже никакой не было. Все уборочные работы были закончены, и поля стояли в основном пусты. Но здесь был какой-то особый шарм, он витал в воздухе. У Полины зазвонил телефон. Она говорила по-французски, я ничего не понимал. Полина свободно говорила на пяти языках, не считая родного русского, она знала английский, французский, португальский, испанский и итальянский. Вообще она была очень образованной.

– Завтра мне нужно будет уехать где-то на полдня. Не будешь скучать? – сказала Полина.

– Я найду, чем заняться. А куда ты едешь?

– В Лион. Я построила там одну социальную клинику, и завтра она открывается. Я приехала сейчас во Францию именно по этой причине.

– Что за клиника? Расскажи, мне очень интересно. Я вообще впечатлен твоей деятельностью и благотворительностью.

В лице Полины что-то изменилось, она вся как будто стала меньше. Она улыбалась, но уже не так, как обычно.

– Это клиника по реабилитации, для людей с ограниченными возможностями после несчастных случаев.

– Я вижу, что для тебя это имеет особое значение.

– Да. Двенадцать лет назад я попала в автокатастрофу. У меня был сломан позвоночник в четырех местах, и мне сказали, что я никогда не смогу ходить. Почти год я лежала в больнице, и еще два училась заново ходить. Это было чудо, все врачи говорили, что сделать ничего нельзя, но я смогла. Так что да, это имеет для меня особое значение.

Я был ошеломлен. В интернете об этом не было никакой информации. Я не представляю, какая должна быть сила воли, что бы превозмочь болезнь. Она практически совершила подвиг, свой личный подвиг.

– Я даже не знаю, что сказать, – пораженно говорил я.

– И не надо ничего говорить.

Она снова улыбалась своей волшебной улыбкой. Мне хотелось расспросить ее подробнее обо всем этом, но я видел, что она не любит об этом говорить.

– А почему эта клиника именно во Франции?

– У меня есть четыре такие клиники в России. А здесь климат очень благоволит выздоровлению.

– Если можно, я хотел бы поехать с тобой. К тому же это может привлечь дополнительные инвестиции.

– Да, с этой точки зрения ты был бы там полезен. Я не слежу за шоу бизнесом, и не знаю как зовут даже знаменитых актеров и певцов, но о тебе читала в интернете, ты у нас оказывается суперзвезда, – говорила она с улыбкой, – так что твое нахождение там было бы полезно и для пациентов. Ты готов к такому благотворительному акту?

– Да. Я никогда не занимался благотворительностью, и это было бы полезно для меня самого. Если хочешь, я могу пригласить свою подругу, Ирен Бойл, она актриса, и тоже довольно знаменита, сейчас я покажу тебе фото, ты ее сразу узнаешь. У нее сейчас как раз перерыв в съемках.

– Да, конечно хочу. Она согласится?

– Уверен, что согласится. Она как раз любит такие акты благотворительности, она часто ездит в Африку.

Я достал телефон и нашел фото Ирен. Полина ее сразу узнала.

– Сейчас я ей позвоню, она в Барселоне, у нее там дом.

– Скажи, что я отправлю за ней самолет.

Ирен с радостью согласилась. Как я и говорил, она любила заниматься такими вещами, но больше ей хотелось познакомиться с Полиной, посмотреть на женщину, которая свела меня с ума.

На следующий день рано утром мы поехали в Леон, Ирен уже была там, как и обещала Полина, она отправила за ней самолет. Мы заехали за ней в аэропорт. Ирен влюбилась в Полину с первого взгляда.

– Я с ней еще особо не общалась, но понимаю, что тебя в ней так привлекло, – шепнула мне Ирен, когда мы сели в машину.

Клиника была под Леоном. Она занимала большую территорию. Там было очень красиво, это не было похоже на больницу, больше на пансионат. Было много прессы как французской, так и русской. Никто не знал, что мы с Ирен тоже там будем, и на нас налетели журналисты. Полина разрежала красную ленту. Мы вошли внутрь, мы много общались с пациентами. Там были люди со всей Европы, но только те, кто не мог себе позволить такого дорогостоящего лечения. Там были дети и взрослые, Полина с удовольствием общалась со всеми. Она рассказывала свою историю излечения, говорила, что ни в коем случае нельзя отчаиваться, даже когда все вокруг говорят, что уже ничего не поможет. Я смотрел на нее как замороженный. Я никогда раньше не встречал таких людей как она.

– Ты влюбился, ты в курсе? – спросила меня Ирен.

– Нет, я просто ею восхищаюсь, – неуверенно ответил я.

– Нет, ты по уши влюбился. Ты бы видел себя со стороны. Уж я-то знаю, как смотрят влюбленные мужчины. Женщины всегда это видят. Я уверена, что она тоже это заметила.

Я испуганно посмотрел на Ирен. Я ведь считал, что ни чем не выдаю своего отношения к Полине.

– Расслабься, ты ей тоже не безразличен. Со стороны все очень хорошо видно. Что ты намерен делать? Что если между вами что-то возникнет? Если у вас завяжется роман?

– Я не думаю, что до этого может прийти.

– А я бы на твоём месте подумала. Если бы у тебя не было семьи, вы бы уже давно кувыркались в постели. Но ты ведь не рассказывал ей о том, какая на самом деле у тебя семья?

– Нет. Незачем кого-то посвящать в мои личные дела.

Полина пригласила Ирен к себе в усадьбу, и та согласилась. Ирен там очень понравилась. Вечером пришли тетя Соня с Гансом.

– Помнишь, я говорил тебе о новом купаже? – спросил Ганс Полину.

– Да, вкусненькие изюмные сорта.

– Я принес тебе бутылку на пробу. Соня, неси бокалы.

Вино и правда было очень вкусным.

– Ммм, то что надо! – сказала Полина, – а почему ты раньше молчал? Ведь ты его в прошлом году сделал, сейчас еще даже сбор урожая не начался.

– Я же не буду поить тебя молодняком! Вино должно полежать хотя бы год, ты ничего не понимаешь в виноделии.

– Зато я люблю пить вино, – с улыбкой сказала Полина.

– Добавь чуть-чуть лавандового меда, – сказала тетя Соня, – тебе понравится вкус.

– Соня! Зачем ты предлагаешь такие вещи? – возмущался Ганс, – так пьют вино только дилетанты!

– Не бурчи, – отвечала она, – пусть девочка попробует, это очень вкусно.

– Вы когда-нибудь прекратите ругаться? – с улыбкой спросила Полина.

– А кто ругается? – ответила тетя Соня, – мы с этим стариком поссорились только один раз в жизни много лет назад. Даже не разговаривали друг с другом целый день. Помнишь? – обратилась она к Гансу, и посмотрела на него с такой нежностью. – Мы были молоды, и ни один из нас не хотел признавать свою ошибку, мы показывали свою гордость. А потом легли в постель, я как сейчас это помню. Я лежала, и мне так хотелось обнять его, сказать, что я не права, извиниться, но мое эго не давало мне этого сделать. Я думала о том, как же это глупо, ведь мы женаты, и из-за такого пустяка не разведемся. Мы потеряли целый день на обиду, вместо того, что бы потратить его на любовь. А потом Ганс сам обнял меня, и я ему все это сказала. Он чувствовал то же самое. Больше мы никогда не ссорились. Конечно были разные проблемы, но мы сразу их решали, садились и разговаривали, и не уходили пока не решим проблему. Нас часто спрашивают, в чем секрет нашего семейного счастья, так вот он в этом. Нужно просто научиться разговаривать друг с другом, и слышать друг друга, не просто слушать, а слышать.

Я слушал тетю Соню, и понимал, как же мы с Фионой далеки друг от друга. Мы не разговаривали, мы все держали в себе. Я часто не знал что на сердце у Фионы, а когда спрашивал, она говорила, что это личное. Вероятно, она считала мои чувства тоже моим личным, и никогда не спрашивала о них. Для нас это стало нормой. Мы били почти чужими. Сейчас я очень отчетливо это понял.

Пришла Беатрис и разожгла камин. Ирен с Полиной увлеченно о чем-то разговаривали, а я смотрел на нее, на ее волосы, они горели в свете камина, ее улыбка озаряла все вокруг. Мне хотелось прикоснуться к ней, просто взять в руку ее ладонь, ощутить ее мягкость. Ни к одной женщине я не испытывал таких чувств. Нормальное желание мужчины забраться к ней под юбку перевешивало что-то другое, новое и от того непонятное для меня. Что, если между нами и правда что-то возникнет? Что это может быть? Секс? А что еще? Что бы я хотел от нее получить? Понятно, я хотел окунуться в ее счастье, в эту безумную энергию жизни. Но что еще? Ведь с Фионой у нас все тоже начиналось очень романтично и бурно. Если бы мне тогда сказали каким будет наш брак через четырнадцать лет, я бы никогда не поверил, тогда это показалось бы мне просто смешным. Стоп! Я что думаю о будущем с Полиной? А что она вообще думает об отношениях? Почему она не замужем? Ей тридцать шесть лет, она красива и умна, обаятельна. Почему у нее нет мужчины? А может есть? Во мне кольнула ревность. Вдруг у нее есть мужчина? Она же с кем-то спит? Как будто услышав мои мысли Ирен спросила Полину, почему та не замужем.

– У меня сложное отношение к мужчинам, я их не очень люблю, – ответила Полина.

– Может ты любишь девочек? – с улыбкой спросила Ирен.

– Нет, я строго гетеро. Ничего не имею против геев, но в сексуальном плане я люблю мужчин. Но не хочу иметь с ними ничего серьезного.

– Почему? Извини, если я задаю слишком личный вопрос.

– Он не то что бы личный, просто ответ может быть для тебя непонятным.

– Все же мне интересно его услышать, – не сдавалась Ирен.

– Все считают, что пара это две половинки. Я же считаю себя одним целым. Если человек ищет вторую половинку, то и живет только на эту половину, вторая же часть это пустота, а пустота, это одиночество. Вторым человеком мы затыкаем эту дыру, и нам кажется, что теперь мы одно целое. Но любой человек рано или поздно уходит из твоей жизни, и эта пустота возвращается. Люди ищут второго человека, чтобы заполнить им пустоту внутри себя. У меня же внутри нет пустоты. Все место внутри себя занимаю я сама. Я люблю себя, и не ищу подтверждения этому в любви другого человека. Если мне когда-нибудь встретится мужчина, такой же полный, как и я, мы сможем идти по жизни вместе, делить жизнь друг друга, а не заполнять собой чужую. Я не хочу, чтобы мною затыкали дыры, это очень большая ответственность, понимаешь?

– Кажется, что понимаю. Но, я думаю, что это очень сложно, обрести состояние целостности.

– Для этого нужно не иметь ничего, совершенно ничего, потерять все и быть на дне. Сложно это, а обретение целостности приходит само, когда ты этого хочешь, когда приходишь к тому, что именно это тебе необходимо.

– Слушай, – смеялась Ирен, – а она не только красивая, а еще и умная!

Полина улыбнулась своей волшебной улыбкой. А я сидел в прострации. Она только что убила меня своими словами. Я хотел именно того, о чем она сейчас сказала. Я хотел заткнуть ею дыру внутри себя, присосаться к ней как пиявка, и сосать из нее жизнь. Меня словно обухом по голове ударили. Она правильно делает, что сторонится мужиков. Все мужчины больше всего на свете боятся одиночества, той самой дыры. Мы просто не способны быть одни. С детства мы привыкли к тому, что нас любит мама, и когда мы выходим во взрослую жизнь, нам безумно не хватает этой любви, и мы пытаемся добиться любви женщин. Чем больше нас любят, тем лучше мы себя чувствуем. Если женщина не отвечает взаимностью, мы особо не страдаем, мы бежим покорять новых женщин. Это стремление к тому, чтобы нас любили, превращает мужчин в настоящих ловеласов и мастеров пикапа. Никто не хочет просто переспать, все хотят быть нужными, а если женщина пускает тебя в свою постель, значит ты не такой как все, ты особенный, и она может тебя полюбить. Добейте меня кто-нибудь, иначе я сейчас пойду и брошусь с крыши!

4

На следующий день Ирен улетела в Барселону, у нее были дела.

– Я очень рада, что познакомилась с тобой, – говорила она Полине.

– И я рада! Будет время, приезжай в гости, я буду рада тебя видеть, – отвечала та.

Ближе к вечеру и нас выдернули из блаженного ничегонеделанья, позвонил продюсер, и сказал, что все готово, и послезавтра начинаются съемки. Они начались в долине Луары. Рано утром самолет доставил нас в аэропорт Орлеана, оттуда нас забрали и отвезли в снятые для нас квартиры. Наши с Полиной дома были по соседству. Съемки остановили на том моменте, когда Генрих наконец-то переспит с Франческой.

– Мы порепетируем интимную сцену? – спросила меня Полина.

– Да, если тебе это нужно.

Вечером мы с Диего пришли к Полине на репетицию. Что творилось у меня внутри я даже описать не смогу. Меня успокаивало лишь то, что мы будем в одежде.

– Я думаю, что нам надо раздеться, – сказала Полина, – ведь в этом загвоздка.

Женщина! Ты сведешь меня с ума! Кричал во мне внутренний голос. Полина наотрез отказалась от дублеров, маскирующего белья и накладок. Ей казалось это неестественным. Я решил не отставать, если уж женщина, да еще не являющаяся актрисой, не боится раздеться, и того, что к ней будет прикасаться чужой мужчина, то мне это было бы совсем стыдно.

– Я взяла у костюмеров те рубашки, в которых мы будем, – сказала она мне.

По сценарию я оставался в рубашке, а она должна была остаться голой. Господи, зачем я на это подписался? Играл бы себе каких-нибудь супергероев или обдолбанных наркоманов! Нет же, захотелось сыграть короля, который без конца трахает свою фаворитку. Идиот!

– Полина, – говорил Диего, – у тебя уже начали появляться чувства к Генриху, но ты все равно не горишь желанием спать с ним. Ты его целуешь, но особо в процессе не участвуешь.

– Короче лежу как бревно, я поняла, – с улыбкой сказала Полина.

– Вспомни свой первый раз, это должно помочь.

– Ты шутишь? Это было сто лет назад.

– Я всегда считал, что девочки помнят этот момент, – удивился Диего.

– Нет, я помню, но не могу вспомнить, как это было, что я при этом чувствовала.

– Ну ты даешь! – с улыбкой сказал Диего, – даже я помню свой первый раз. Ладно, давайте начнем, а там, если что я поправлю.

Мой член уже был в полувозбужденном состоянии от одной мысли, что я сейчас прикоснусь к ее телу, к ее губам. Поцелуи у нас уже были, и даже некоторые ласки на съемочной площадке, но сейчас я раздену ее, буду ласкать ее обнаженное тело. Таблетки для потенции придумали, лучше бы придумали что-то от потенции!

Полина лежала в постели, под рубашкой у нее ничего не было, я якобы вошел в ее комнату, сел на кровать и запустил руку под одеяло. Моя рука коснулась ее ноги, и медленно поднималась вверх.

– Сегодня ночью ты станешь моей, – говорил Генрих.

Я откинул с нее одеяло и лег рядом. Я поцеловал ее, она отвечала, ее рука легла мне на шею, и пальцы погрузились в мою шевелюру.

– Полина, ты не трогаешь его, просто лежишь, – сказал Диего.

Полина убрала руку. Я развязал завязки у нее на рубашке и оголил ее грудь. Одна моя рука вцепилась в ее ягодицу. Мои губы медленно спускались от ее шеи к груди.

– Марк, не хватай ее так, Генрих не хочет спугнуть Франческу, он знает, что сейчас переспит с ней, но он не хочет, что бы она боялась его. Понежнее.

Какие к черту нежности?! Я хочу сорвать с нее эту рубашку и впиться в ее тело как в последний раз. Я посмотрел Полине в глаза, я видел в них желание. Я завязал на ней рубашку и вернулся к поцелую. Я чувствовал, как она подалась ко мне всем телом, чувствовал, как бьется ее сердце. Я развязал завязки на рубашке и нежно обнял ее одной рукой. Мои губы опять начали спускаться по шее к ее груди. Я выучил сценарий наизусть, в нем описывалось каждое мое движение, и сейчас я должен был ласкать ее грудь. Я взял одну грудь в руку, мои губы сомкнулись вокруг ее соска. Я почувствовал, как она слегка изогнулась в спине, дыхание ее участилось.

– Полина, теперь ты можешь слегка обнять его за талию.

Ее рука легла мне на спину, и чуть спустилась к талии. Я медленно задрал ее рубашку, и снял ее. Полина лежала передо мной совершенно голая, в глазах ее горел огонь. Она пыталась сделать спокойное выражение лица. Моя рука гладила ее ногу, губы коснулись живота, и из ее приоткрытого рта вырвался тихий стон. Боже, как же я ее хотел! Коленом я раздвинул ей ноги и лег сверху. Я целовал ее, потом сделал вид, что вошел в нее. Она, конечно, чувствовала мою эрекцию, хорошо, что я был в трусах. Я терся об ее промежность своим причинным местом изображая движения и целовал ее. Боже, я сейчас кончу! Нет, держись друг, ты сможешь! Подумай о глистах. Да, помогло. Ты протянешь еще несколько минут.

– Полина, сделай вид, что тебе больно.

Она слегка скривила лицо, и пыталась придержать меня. Диего стоял прямо над нами, и рассматривал все наши мельчайшие действия. По сценарию я начал двигаться медленнее, и губами ласкал все доступные места, через несколько минут я должен кончить. Эта сцена не прерывалась, секс должен был быть снят от начала и до конца, все длилось ровно двенадцать минут. Диего засекал время, и говорил, что и в какую минуту мы должны делать.

– Еще минута, – сказал Диего.

Эта минута длилась целую вечность.

– Все, Генрих кончает, и ложится рядом.

Я со звуком кончил, хорошо, что не на самом деле. У меня ломило всю нижнюю часть тела, мое желание было на пике. Я лег рядом. Полина прикрылась лежавшей рядом рубашкой, которую я с нее снял.

– Снято! – сказал Диего. – В общем, вы молодцы, если хотите, можем повторить со всеми правками.

У меня округлились глаза, Диего увидел это и улыбнулся.

– Я думаю достаточно, – сказала Полина.

Ты моя спасительница! Я поцеловал ей руку.

– Теперь я бы должен на тебе жениться, – с улыбкой сказал я.

Она улыбнулась и встала с кровати. Рядом лежал халат, и она сразу надела его. Одеваясь, я заметил мокрое пятно на своих трусах, но жидкость на них была не моя. Ее возбуждал весь этот процесс также как и меня. Отчего-то мне было радостно это осознавать. Все было как в первый раз. Я радовался тому, что могу возбудить женщину.

Придя домой я позвонил Ирен и рассказал обо всем этом.

– Она меня тоже хочет, – с энтузиазмом говорил я.

– Конечно хочет, она же не деревянная, тем более ты такой красавчик! Да любая женщина тебя хочет.

– Что, и ты меня хочешь?

– Ты мой друг, я не смотрю на тебя как на мужчину, ты скорее мне как брат. Ну и что дальше? Ну хочет она тебя, дальше что? Будешь ее клеить?

– Нет, я же женат.

Ирен молчала, что было ей несвойственно.

– Почему ты молчишь?

- Позвони своей жене и поговори с ней.
- Что-то случилось?
- Я не знаю, просто позвони ей.

Мне показалось это странным, и я позвонил Фионе. Она была такая радостная, говорила, что у нее будет небольшое выступление в одной опере. Я порадовался за нее. Ее голос был как раньше, в нем была какая-то живая энергия. Но что имела в виду Ирен? Что бы я не особо заводился при мысли о Полине, потому что моя семейная жизнь увидела свет в конце тоннеля? Или что-то другое?

На следующий день мы снимали эту сцену. Я мастурбировал два раза перед выходом из дома, надеясь, что это поможет хоть немного. Нет, не помогло, здесь сцену немного поменяли, Полина должна была одной рукой взять меня за голую задницу, поэтому трусы мне пришлось снять. Боже, мне придется тереться об нее голым членом, конечно же, он встанет. Ладно, надеюсь, она поймет, что это нормальная реакция. Декорации были превосходные, она лежала на белоснежной простыне, свет приглушен, обстановка самая что ни на есть интимная. Полине сделали легкий макияж, и выглядела она очень сексуально. Пошла сцена, здесь я должен не так сильно возбудиться, за кадром стоит куча людей, когда снимают крупный план, режиссер подходит ближе, все это должно было остудить меня. Но как только я коснулся ее губ, я забыл обо всех присутствующих, я чувствовал, что и она тоже. Было несколько правок, и это тоже остужало мой пыл. Но когда я лег на нее, мой член коснулся ее влажной промежности, я больше не мог себя сдерживать. Я видел безумное желание в ее глазах.

– Полина, лучше закрой глаза, – сказал Диего.

Она закрыла. Но дикая сексуальная энергия лилась из нее потоком. Я не знаю, как я пережил это. После заветного слова «снято» я направился напрямик в туалет. Так часто я мастурбировал только в глубокой юности, когда мне еще не давали девочки.

В моих съемках был двухдневный перерыв, и я улетел в Эдинбург. В Фионе что-то изменилось, она была какой-то мечтательной и похорошела. Она сделала новую прическу и накрасила ногти, что делала редко. Мы почти весь день провели в парке с детьми. Фиона играла с Гленом, мы все вместе катались на роликах. Все было как раньше, мы были счастливы. После ужина я помогал Фионе убрать со стола. На ней было обтягивающее платье, и я обнял ее сзади. Руки мои потянулись к ее груди, я целовал ее в шею.

– Не приставай, – сказала она, – дети еще не спят.

Я отстранился и начал мыть посуду.

Я лежал в постели, когда Фиона вышла из душа. От нее приятно пахло яблоком и корицей. Она легла в постель и взяла книгу.

– Ты собираешься читать? – спросил я, глядя ее по ноге.

Она молчала. Я взял книгу и отложил ее на тумбочку. Я начал целовать и ласкать ее, она нехотя отвечала. Что случилось? Она вроде бы счастлива. Что опять не так?

– Ты разве по мне не соскучилась?

– Соскучилась, – ответила она, и мы занялись сексом.

Что это было? Спрашивал я себя. Фиона спала, а я не мог понять, что опять случилось. Все ведь хорошо. Но она бы предпочла, что бы я ее не трогал. Видимо я совершенно не понимаю женщин. Вечером следующего дня я улетел назад.

Я был задумчив, у меня не шло из головы поведение Фионы.

– О чем ты постоянно думаешь? – спросила меня Полина.

– Об одном друге, – соврал я. – Он тоже актер и редко бывает дома, мы с ним вчера встретились в Эдинбурге. Так вот, у него с женой были проблемы, и вот он приехал домой, а жена похорошела, посветлела, он обрадовался тому, что все хорошо, вот только спать она с ним не горит желанием. Друг в замешательстве, не понимает, что это значит.

– Это значит, что она спит с кем-то другим, – сказала Полина и ушла.

Я стоял как громом пораженный. Фиона мне изменяет?? Не может быть! Хотя почему не может? Она похорошела, а когда женщина хорошеет? Когда влюбляется. Она не хочет со мной спать, значит, она влюблена в кого-то другого! Что мне делать? Я в панике. Моя жена в кого-то влюбилась! Она уже переспала с ним? Кто он такой? Во мне кипела ревность. Это собственническое чувство, она моя, я не собираюсь ее ни с кем делить! Она только моя! Да, это говорит человек, который по несколько раз на дню мастурбирует на другую женщину. Но я ей не изменяю! Не изменяю же? Что вообще такое измена? Сунуть в кого-то другого свой член, или всей своей душой быть с другой женщиной? Что бы там ни было, Фиону я не отдам, она моя! Ирен точно что-то знает! Я позвонил ей.

– Выкладывай, – сказал я.

– О чем речь?

– О Фионе, я был дома.

Ирен молчала.

– Ирен, не молчи, ты что-то знаешь, скажи мне, что черт возьми происходит?!

– Я наверняка ничего не знаю, это всего лишь слухи. Помнишь знакомую Фионы Монику? Они сто лет назад были в одной группе.

– Да, горячая итальяночка.

– Именно. Ее муж композитор и музыкант, он пишет музыку к фильму, в котором я сейчас снимаюсь. Он встретился с Фионой на постановке той оперы, в которой она пела. Ну и вроде бы как она активно флиртует с одним актером. Больше я ничего не знаю. И это могут быть просто слухи.

– Нет, это не слухи. Она сделала новую прическу, красится и одевается, вся такая похорошела, и Ирен, она светится! Она счастлива! Я думал, что так повлияло на нее мое отсутствие, но нет, она не хотела заниматься со мной любовью! Она как будто сделала мне одолжение, когда я начал к ней приставать!

Ирен опять молчала.

– Что мне делать?

– Может вам будет лучше порознь? – аккуратно сказала Ирен. – Я не могу тебе что-то советовать, это очень важные решения, что бы принимать их с советами других людей. Я скажу одну вещь, и только один раз. Вместе вы не счастливы, может у вас получится это по отдельности? Вы заперлись в одной клетке, но каждый из вас держит в руке ключ. Просто реши, чего ты сам хочешь.

Я не хотел отпускать Фиону, у меня и мысли такой не было до разговора с Ирен. Может, она права? Может, мы и правда не даем быть друг другу счастливыми, будучи вместе? А как же дети? Они уже не маленькие. Для того чтобы быть хорошими родителями нам не обязательно быть вместе. Теперь я это понимал. Когда мои родители развелись, мне было три года. Позже, повзрослев, я спросил у мамы, почему они не остались вместе ради меня. Я не то что бы хотел этого, но так делали многие, и мне было интересно, зачем вообще люди так делают. Мама тогда сказала, что именно ради меня они и развелись. Они постоянно ругались, они не находили общего языка, они вообще зря поженились. На детях отражается то, какая обстановка в семье, родители подают детям пример общения, пример семьи. Мама не хотела, чтобы я рос с осознанием того, что жениться не стоит, потому что жена будет вечно пилить мужа, будет вечно недовольна. Это не то, каким должен быть брак. Родители должны любить друг друга, тем самым учить детей любить самим. Что будет с нами с Фионой, если

мы останемся вместе? Каким будет наш брак? Что получат наши дети в нем? Сейчас я задумался не только о своей жизни, я думал о детях. Я хотел, чтобы они были счастливы. Когда у тебя появляются дети, ты больше не принадлежишь себе, все твои решения отражаются на них. Иметь детей это самая большая в жизни ответственность. То, какими они вырастут, во многом зависит от тебя. Ведь не зря все психологи лезут в детство, все проблемы рождаются там. Что же мне делать? Как будет лучше для моих детей? Мне нужна помощь.

Я смотрел на Полину, кто-то рассказывал ей смешную историю, и она заливалась звонким смехом. Мне хотелось уткнуться в нее и плакать. Хотелось, чтобы она обняла меня, и сказала, что все будет хорошо, что я найду верное решение, что я не один. Но ведь я и не был один. Это проблема не только моя, а наша общая с Фионой. Так почему я хочу поддержки от другой женщины? Почему не пойду за этой поддержкой к своей собственной жене? Потому что я не получу ее там. Я был совсем раздавлен. Мне вдруг захотелось напиться до беспамятства.

Съемки на сегодня были окончены, и я хотел направиться в бар. Ко мне подошла Полина, она взяла меня под руку, и прижалась головой к моему плечу. Она погладила меня по груди и улыбнулась.

– Что бы тебя ни мучило, все это временно, – сказала она. – Все в нашей жизни случается именно так, как должно быть. Кто-то сказал, что все наши действия правильны, и если тебе кажется, что ты можешь поступить по-другому, знай, ты не можешь. Я в это верю. В любом случае, все будет хорошо, все всегда заканчивается хорошо, а если еще плохо, то это еще не закончилось. Это тоже кто-то сказал, и в это я тоже верю.

Она посмотрела на меня с такой нежностью и пониманием, от нее исходило такое тепло, и любовь. Любовь не ко мне, а просто любовь ко всему на свете, просто сейчас она была направлена на меня. Именно этого мне и не хватало. Я поцеловал ее в макушку.

– Я иду в бар с целью напиться в щи. Пойдешь со мной?

– Почему бы и нет, – с улыбкой ответила она.

Мы пили у барной стойки и болтали ни о чем. Она как всегда светила.

– Откуда в тебе столько любви? – вдруг спросил я.

– От мира. Что может быть лучше, чем родиться человеком?

– Иногда мне хотелось бы родиться рыбой, или птицей, или вообще камнем, который ничего не чувствует.

– Не говори ерунды! Именно потому и хорошо родиться человеком, чтобы чувствовать все, чувствовать жизнь.

– Я не знаю, как тебе это удастся, у меня так точно не получится.

– А ты пробовал? – с улыбкой спросила она.

Иногда она задавала такие вопросы, которыми заставляла меня ими врасплох.

– Наверно не пробовал. Я знаю, что не получится.

– У меня же получается? Чем ты хуже меня?

– У тебя нет проблем, по крайней мере так кажется.

– У меня их действительно нет. Я их все решила. И все они в голове.

Кто-то включил одну веселую заводную песню, и Полина встала со стула и начала танцевать. Танцевать она не умела, но это было и не нужно, она улыбалась своей волшебной улыбкой, и кружилась. Она слилась с музыкой и просто двигалась в такт ей. На нее оборачивались люди, здесь никто не танцевал, это был бар, в который народ приходил выпить. Но ее это не волновало. Она делала то, что хотела. Может в этом счастье? Не обращать внимания на других, и просто следовать желаниям своего сердца? Полина повернулась ко мне и, танцуя, приближалась. О нет, только не это! Она взяла меня за руку и потянула со стула.

– Нет! Я не умею танцевать, – пытался отвертеться я.

– Я тоже не умею. Давай, просто дай себе свободу!

Она смотрела на меня таким чистым взглядом, в нем было столько легкости и свободы, и я не смог ей противостоять. Я встал со стула и начал танцевать с ней. И что же случилось? Люди, которые еще две минуты назад осуждающе смотрели на Полину, теперь посвистывали нам. Одна женщина под пятьдесят тоже встала и начала танцевать, к ней подключилась девушка, с которой она сидела. Мне стало так хорошо, я просто слушал музыку, и двигался в такт. Ведь это так просто! Как давно я не делал того, что делать нельзя. Музыка закончилась, и все друг другу аплодировали.

– Я хочу на крышу! – сказала Полина, – если бы я сейчас была в Питере, я бы полезла на крышу!

Я смотрел на нее и улыбался, у меня внутри открылась какая-то маленькая дверца, которая уже давно была на замке.

– Быть счастливым не так уж сложно, правда? – с улыбкой сказала Полина, – иногда стоит просто потанцевать в баре, в котором не танцуют.

5

В раздумьях, что же делать дальше, я решил пустить все на самотек. Знаю, это не самая шикарная моя идея, но я не мог решиться на разговор с Фионой. К тому же, на это потребовалось бы время, такие вопросы за две минуты не решаются, а времени у меня сейчас как раз не было. Из-за переезда во Францию мы выбились из графика, и теперь надо было нагонять. Мы работали по 12—14 часов каждый день, времени на думы почти не оставалось. Через месяц у меня будет свободная неделя, и я смогу поехать домой, и поговорить с Фионой. Мы разговаривали по телефону, голос у нее был все такой же радостный.

Мы с Полиной подошли к тому моменту, когда Генрих осознает свои чувства к Франческа, как бы ни пытался он от них убежать, они все равно настигали его. По книге Франческа тоже уже была влюблена в Генриха. Несмотря на то, что они уже несколько раз занимались сексом, Франческа особо не участвовала в процессе, и не получала особого удовольствия. Генрих не мог примириться с этим, он не понимал, что он делает не так. И один человек посоветовал ему рассказать Франческа о своих чувствах. Мы репетировали эту сцену. Когда я произнес эту фразу «я люблю тебя», меня пробрала дрожь. В этот момент я наконец признался себе в том, что я люблю Полину. Это не влюбленность, не страсть, не вампирское желание питаться ее энергией. Это любовь. Я люблю ее. Мне вдруг захотелось кричать об этом на весь мир.

– И я люблю тебя, мой король, – сказала Полина.

Это говорила не Франческа Генриху, это говорила Полина Марку. Она не играла, она честно и открыто признавалась мне в любви, так же, как это только что сделал я. Меня разрывало от счастья, мы целовались, это были мы, а не наши герои. Мы отсняли сцену, некоторое время мы были просто любящими друг друга мужчиной и женщиной. Я был по-настоящему счастлив. Ирен была права, я уже забыл, что это такое. Я хотел быть с Полиной. Фиона нашла себе мужика, у нее все хорошо. Я тоже полюбил другую женщину. Вероятно на этом наш брак закончен. Через месяц я поеду домой и начну бракоразводный процесс. Стоп. А что по этому поводу думает Полина? Вдруг она не захочет иметь со мной отношения? Ведь одной любви для этого недостаточно, она четко дала это понять, когда разговаривала об этом с Ирен. Я хотел поговорить с ней об этом, но меня сковывал дикий страх. Вдруг она откажется, и я опять останусь один? Тогда нельзя разрывать отношения с Фионой. Полина не выказывала ко мне какого-то особого отношения, кроме как на съемочной площадке, там мы могли не скрывать своих чувств. Но в другое время она вела себя как обычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.